

— Господин Гу, можно... — Гунлян Цзэ, увидев, что Шэнь Цяньхэ уже долго перечитывает письмо, вдруг почувствовал беспричинную тревогу. Ему казалось, что хотя в письме не было явного смысла, но между строк скрывалось что-то важное.

— Мы с ним давно знакомы, я ему доверяю. — Шэнь Цяньхэ сидел напротив Гунлян Цзэ, улыбаясь при свете свечи. — Гунлян, если со мной что-то случится или я окажусь в трудной ситуации, иди к господину Гу. Возможно, это будет лучше, чем искать твоего отца.

Гунлян Цзэ был ошарашен, но он никак не мог представить, что они с Шэнь Цяньхэ были близкими друзьями, и сразу ответил:

— Я никуда не пойду.

Неизвестно, когда это началось, но Гунлян Цзэ перестал использовать вежливые формы, и Шэнь Цяньхэ, похоже, не видел в этом ничего плохого. Возможно, он просто потакал ему, или... ему было всё равно.

Гунлян Цзэ никогда не спрашивал, но он примерно знал ответ.

— Хорошо, хорошо. — Шэнь Цяньхэ улыбнулся и положил письмо на свечу, чтобы оно сгорело.
— Ты отказываешься от пути к спасению, Гунлян, ты действительно способен.

Когда бумага догорела, Шэнь Цяньхэ отряхнул руки от пепла:

— Уже поздно, иди спать. Завтра рано вставать.

Гунлян Цзэ поднял голову и посмотрел на Шэнь Цяньхэ, его глаза встретились с глазами Шэнь Цяньхэ, в которых плавала улыбка. Это заставило сердце Гунлян Цзэ биться быстрее, и он открыл рот:

— Давай спать вместе.

— Что? — Шэнь Цяньхэ чуть не упал со стула. — Гунлян Цзэ? Ты с ума сошёл?

Гунлян Цзэ понимал, что эта близость, эти мелочи — это был привычный для Шэнь Цяньхэ мягкий нож, который ранил его, не осознавая этого. Ему оставалось только продолжать играть роль бесстыдника:

— Брат Шэнь, мне страшно спать одному.

«Вот ведь верит в какую-то чушь», — пробормотал про себя Шэнь Цяньхэ, закатил глаза и поднял руку, чтобы скрыть подозрительный румянец на лице — он делал вид, будто боится, что окружающие услышат, как Гунлян Цзэ отнимает у него что-то, и закрыл уши.

...

Цзун Юань назначил встречу в переулке города Цинпу. Сегодня он, как всегда, был одет в чистую и аккуратную одежду, с веером в руке и улыбкой на лице.

Под руководством Цзун Юаня они долго бродили по переулкам, и Шэнь Цяньхэ даже начал думать, что Цзун Юань их обманывает.

Прошлой ночью он плохо спал — не только потому, что Гунлян Цзэ занял большую часть кровати, или потому, что он обнимал его, но и из-за кошмара, который преследовал его. Но

больше всего его разозлила рука, которая утром разбудила его. Шэнь Цяньхэ слегка повернул голову, но прежде чем успел оттолкнуть руку, увидел лицо спящего Гунлянь Цзэ. Он был окутан лёгким сиянием, его волосы слегка растрепались, и он выглядел совсем не так, как обычно — серьёзный и настороженный.

В этот момент Гунлянь Цзэ был тем молодым человеком, которого Шэнь Цяньхэ помнил. Он не понимал, зачем тот заставлял себя носить маску зрелости.

«Надеюсь, ответом не было имя Шэнь Цяньхэ».

Гунлянь Цзэ, казалось, почувствовал волнение Шэнь Цяньхэ и инстинктивно потянул руку к себе, перевернулся и начал искать губы Шэнь Цяньхэ, обнимая его за голову и целуя, их языки встретились.

Шэнь Цяньхэ слегка сопротивлялся, но его рука наткнулась на обнажённую грудь Гунлянь Цзэ. От одного прикосновения его пальцы словно растаяли, кровь ударила в голову, и он потерял контроль, позволив Гунлянь Цзэ продолжить.

Когда они оба начали задыхаться, Гунлянь Цзэ отпустил его и несколько раз прошептал «Брат Шэнь», прежде чем позволить ему встать.

Вспоминая это, Шэнь Цяньхэ чувствовал, что заключил очень невыгодную сделку, и скрытые сомнения раздражали его.

Когда терпение Шэнь Цяньхэ было на исходе, Цзун Юань наконец остановился у стены и, нажав на какую-то скрытую кнопку, открыл потайной ход.

Они спустились по ступенькам вниз, внутри было душно, но, кроме паутины, всё было довольно чисто. Чем глубже они шли, тем более влажным становился воздух. Цзун Юань слегка закатал рукава, и в этот момент Шэнь Цяньхэ заметил шрам на его руке — скорее, это был след от меча.

При свете тусклого фонаря старый шрам на фоне лица Цзун Юаня, похожего на учёного, выглядел странно.

— Брат Цзун, этот шрам... — Шэнь Цяньхэ немного колебался, но всё же спросил.

— Если честно, в молодости я тоже мечтал стать мастером меча, но после того как получил приглашение от Поместья Ковки Мечей, я оставил эту мечту.

Шэнь Цяньхэ протяжно произнёс «Ооо» и, скрестив руки, сказал:

— Так ты из Врат Кунью, я должен был догадаться.

Хотя он задал вопрос, на самом деле он думал: «Муравей пытается сдвинуть дерево, смешно и нелепо».

— Не стоит, не стоит. — Цзун Юань остановился, обернулся и похлопал веером по ладони. — Наша школа пришла в упадок, все разошлись, это уже не имеет значения.

Вспоминая кровавые события прошлых лет, Шэнь Цяньхэ хотел что-то сказать, но вдруг в его голове пронеслась мысль. Холод поднялся от ступней к сердцу, заставив его вздрогнуть, и он отступил на несколько шагов, схватив Гунлянь Цзэ за рукав:

— А-Мэн обманул меня.

— Что? — Гунлянь Цзэ не понял, поддерживая Шэнь Цяньхэ, который чуть не упал.

— Я вспомнил, что раны на теле Ян Дайшаня и Ян Цзе были нанесены мечом из Поместья Ковки Мечей. Только меч оттуда мог оставить такие следы. — Шэнь Цяньхэ приложил руку ко лбу, его лицо было бледным. — Меч, который принадлежал учителю А-Мэна, Нефритовому Целителю Цзяншань Ли Сяньгую, был выкован молодым господином Поместья Ковки Мечей.

— Ли Сяньгуй умер пять лет назад, и теперь этот меч, вероятно, у А-Мэна. — Под изумлённым взглядом Гунлянь Цзэ Шэнь Цяньхэ поднял голову, его глаза были полны мрака. — А-Мэн был в резиденции Ян в ночь на четырнадцатое июля.

После посещения аптеки, чтобы подтвердить второе предположение Ли Чжуннаня, Ли и Сяо отправились на рыбный рынок.

Хуанфу Чу покинул Цзиньлин в двадцать четвёртой главе.

«Лисьи сомнения» (hú mái hú hú) — идиома, означающая чрезмерные сомнения, которые мешают действовать. Дословно: «лиса закапывает и снова выкапывает».

Небольшая сценка:

Возраст?

Сяо: 24.

Чжун: 28.

Сяо: !?!?

Чжун: ...21.

И: 29.

Цюй: 25.

Хань: 33.

Сюй: 25.

Шэнь: 33.

Цзэ: 21.

Рост?

Сяо: 177.

Чжун: 182.

И: 179.

Цюй: 185.

Хань: 192.

Сюй: 175.

Шэнь: 176.

Цзэ: 188.

Первое впечатление о другом:

Сяо: Божественное существо, не похожее на людей.

Чжун: Мой!

И: Кажется, что он полон коварства.

Цюй: Да? Я хочу следовать за ним всю жизнь.

Хань: Фея! Фея!

Сюй: Большой и чёрный, невежливый.

Хань: А? Да?

Шэнь: Милый ребёнок.

Цзэ: Ослепительный.

Впечатление после знакомства:

Сяо: Полон комплиментов, несерьёзный.

Чжун: Чистый, добрый, умный — настоящий джентльмен.

И: Преданный.

Цюй: (Ты только сейчас понял?) Мягкий и уязвимый.

Хань: Капризная фея.

Сюй: Слишком сентиментальный.

Хань: ?!

Шэнь: Волк, защитник, немного доминирующий.

Цзэ: Немного глупый.

Шэнь: !?!?!?

Когда появились чувства?

Сяо: (Смущённо, отказывается отвечать).

Чжун: Всегда были.

И: Постепенно, он понимает меня.

Цюй: Каждую минуту.

Хань: С первого взгляда! Потерял рассудок!

Сюй: Хм.

Хань: А?

Шэнь: Не помню.

Цзэ: С первого взгляда.

«Найти тихое место среди гор, ловить рыбу в чистой воде. Продать рыбу, купить вино, напиться и снова проснуться, высказать свои мысли через флейту». Если есть свободное время, наслаждаться рыбалкой, свежей рыбой и вином — это действительно жизнь богов.

<http://bllate.org/book/16134/1444708>